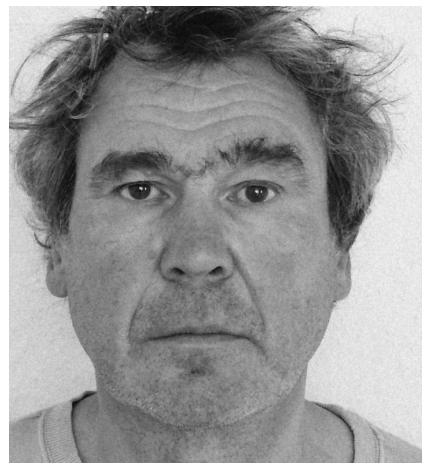

Милован Джилас и черногорский вопрос

ВЯЧЕСЛАВ
КУРИЦЫН

Милован Джилас — подпольщик, партизан, аппаратчик, соратник, а позже противник Иосипа Броз Тито, сидевший в югославских тюрьмах и при королевском, и при коммунистическом режимах, был не только политиком¹, но и выдающимся писателем. В юности он сочинял рассказы, позже — романы, всегда уделяя серьезное внимание стилистической выделке, его беллетризованная автобиография «Страна без закона» («Бесудна земља», 1958) — шедевр югославской прозы.

Джилас напечатал и огромное количество политических текстов. Один из них, «Новый класс» («Нова класа», 1957), заслуженно имеет мировую славу. В этой книге Джилас пишет об уникальном отношении партийной бюрократии к средствам производства (не владея ими и, стало быть, не отвечая за них, она ими распоряжается), и высказанные там идеи и поныне продуктивны для изучения бюрократического сословия в его эволюционном развитии, не ограниченном

*Вячеслав Николаевич
Курицын (р. 1965) —
писатель, независимый
исследователь.*

1 Милован Джилас (Milovan Đilas, 1911–1995) — родился в селе Подбишче в Королевстве Черногория, окончил юридический факультет Белградского университета, в 1932-м вступил в Коммунистическую партию Югославии, в 1937-м стал членом ее ЦК. Во время Второй мировой войны был одним из руководителей югославского партизанского движения. После войны член Политбюро ЦК, член Исполкома ЦК, вице-президент Федерального исполнительного вече Югославии, председатель Союзной народной скупщины

АРХИВ «НЗ»

практиками социализма. «Новый класс» тоже написан внятно, емко, афористично.

Значительная часть публицистического наследия Джиласа, однако, это партийная газетчина «срочно в номер», часто с презрением к логике и доказательной базе. Статья, перевод которой вы сможете прочесть ниже, явно произведена в большой спешке, объем ее обусловлен скорее не содержанием, а необходимостью занять ровно полосу формата А1 партийного органа «Борба» к праздничному дню (вторник, 1 мая 1945 года). Множество повторов, неловко скроенных фраз и методы аргументации идеологического руководителя, каковым черногорец Джилас в послевоенной Югославии и являлся (пять раз употребляет в отношении оппонентов уничижающую формулу «так называемые», пишет о «проплаченных политиках», демократах «всех мастей» и так далее).

Но есть причины, по которым работу «О черногорском национальном вопросе» («О црногорском национальном питању») стоит отнести к классике политической публицистики. Эта статья, во-первых, сыграла серьезную роль в истории южного славянства. Готовилась первая Конституция Народной Федеративной Республики Югославии (принята 31 января 1946 года), и надо было объяснить широким массам не самое очевидное для них решение сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (организация партизан-коммунистов, получившая после войны власть в стране) еще от 29–30 ноября 1943 года, по которому Черногория должна была войти в состав будущего государства не как часть Сербии, а как самостоятельная административная единица. Обратное решение — Черногория, растворенная в Сербии, — не вызвало бы тогда серьезных недоумений. Но именно так в тот момент решилась судьба Черногории на десятилетия вперед. Нынешняя ее независимость — наследие того партизанского выбора. И, во-вторых, важно, какое именно основание выдвигает Джилас для черногорской самостоятельности; оно актуально в том числе и сегодня, когда в стране с новой силой вспыхнула дискуссия о степени «сербскости» этого южнославянского края.

Начнем с исторического экскурса. Государства Дукля (IX–XII) и Зета (XII–XV), находившиеся на территории современной Черногории, ничего о своей черногорскости не говорили. Слова «Черногория» нет в «Летописи попа Дуклянина» (XII век), впервые оно фиксируется в 1296 году в хартии сербского короля Стефана Уроша II как географическое, а не как политическое

Югославии. Занимал важные посты в системе пропаганды и идеологии партии, считался одним из наиболее влиятельных политиков страны начала 1950-х. В 1954-м после публичной критики партийной системы был исключен из партии и в последующие годы осужден на несколько тюремных сроков. Амнистирован в 1966-м, несколько раз выезжал за границу, но большую часть последних лет жизни провел в Белграде.

(и тем более — не как этническое) понятие. Зетой правила сербская династия Неманичей. После битвы на Косовом поле (1389), истощившей сербские силы, влияние Белграда на южные земли ослабло и Зета начала ощущать себя отдельной политической сущностью, войдя в таком качестве в вассальные отношения с Венецией (середина XV века). В конце XV века территорию подчинили себе османы, во всяком случае они так считали: далеко не всю дань удавалось собирать, и далеко не все турецкие караваны с товарами проходили сквозь страну невредимыми. В XV–XIX столетиях это уже именно Черногория, православное княжество под турецким владычеством (при этом главная мировая достопримечательность Черногории, туристическое Приморье, с XIV века принадлежит Венеции, в XIX и начале XX столетия здесь царит Австро-Венгрия). В этот период Черногория — понятие политическое, но по-прежнему не национальное.

ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН
МИЛОВАН ДЖИЛАС
И ЧЕРНОГОРСКИЙ
ВОПРОС

Черногория должна была войти в состав будущего государства как самостоятельная административная единица. Обратное решение — Черногория, растворенная в Сербии, — не вызвало бы серьезных недоумений. Но именно так и решилась судьба Черногории на десятилетия вперед.

В 1878 году Берлинский конгресс признал независимость черногорского княжества, в 1910-м было провозглашено Королевство. В ходе Первой мировой войны Черногорию оккупировала австрийская армия, в 1918-м ее выдавила сербская (в рядах которой воевали и черногорцы) и тогда же Великая Подгорицкая скупщина присоединила Черногорию к Сербии, которая тут же вошла в «первую Югославию» — Королевство сербов, хорватов и словенцев. Это событие оценивается диаметрально противоположно: одни считают, что присоединение соответствовало воле народа, другие — что оно осуществлено насильственно. Как ни странно, обе точки зрения можно совместить: в «Стране без закона» Джилас пишет о том, что многочисленные противники объединения «не были едины: были такие, что мечтали о самостоятельной Черногории; было, однако, много и таких, которым просто не нравились методы»² объединителей (а в том, что методы были чрезмерными, сомневаться не приходится). Последнее не отменяет того факта, что крестьянская масса «традиционно считала себя сербской»

² Ђилас М. *Бесудна земља*. Београд, 2023. С. 89.

(такое наблюдение у Джиласа можно встретить в разных работах); а имитация «демократической процедуры» не всегда автоматически означает, что результат был искажен.

В «первой Югославии» у Черногории была своя территория, но после административной реформы в Королевстве (1929) она «потерялась» в огромной Зетской бановине. И вот в 1943-м партизаны, рисуя контуры будущего социалистического государства, снова выделяют — при личном участии Милована Джиласа — Черногорию в отдельную административную единицу, а в 1945-м Джилас в статье «О черногорском национальном вопросе» дает теоретическое обоснование такого решения.

Социалистическая Югославия распалась ближе к концу XX столетия, Черногория — единственная из республик осталась с Сербией, состоя с ней в 1992–2006 годах в государственном союзе. В 2006-м по итогам референдума Черногория вновь стала независимым государством (отношение к этому волеизъявлению столь же противоречивое, как и к решению скупщины в начале XX века: многие полагают, что и тут активно использовался административный ресурс, только на сей раз против единства). С 1991 года Черногорией фактически руководил, занимая разные должности, поначалу совсем молодой республиканский премьер и на протяжении всего пути весьма ловкий политик Мило Джуканович (р. 1962), при котором страна провозгласила курс на европейскую интеграцию. Внутренние дела шли не очень, зато Черногория все дальше отдалялась от Сербии. Партия Джукановича потеряла власть лишь на выборах в 2020 года, чему предшествовали события, о которых еще пойдет речь ниже.

С тех пор преимущество на выборах разного уровня получали просербские силы, зачастую выражавшие свою позицию самым радикальным образом. Новоизбранный спикер черногорского парламента Андрия Мандич, например, сразу поставил в своем кабинете сербский флаг. На сербоцентричных мероприятиях за порядком следят крепкие парни без опознавательных знаков, но с цепкими взглядами. На митинге в поддержку Мандича в Будве я слышал, какими оглушительными аплодисментами была встречена фраза «Главный город в регионе для нас — Белград». В самой Сербии националистом быть совершенно не стыдно, граффити «Черногория и Сербия — одна семья» не редкость как в Подгорице, так и в Белграде, лозунг «Один народ, одна церковь, один язык» можно услышать не только на митинге, но и просто от жизнерадостного соседа в поезде.

Нынешние руководители Черногории — премьер-министр Милойко Спаич (р. 1987) и президент Яков Милатович (р. 1986) — выходцы из движения «Европа сейчас!» («Европа сад!»). Их

политика ориентирована на Евросоюз, но они вполне лояльны и в отношении «сербства». В 2025 году была попытка лишить государственного финансирования Факультет черногорского языка, существующий параллельно с Факультетом сербского языка и выгодно отличающийся разнообразной, осмысленной и профессиональной книгоиздательской деятельностью: общественность атаку отбила. Перепись населения, проведенная в конце 2023 года, показала внушительную — к тому же еще и выросшую относительно прошлой переписи (2011) — долю людей, считающих себя сербами, а не черногорцами.

ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН
МИЛОВАН ДЖИЛАС
И ЧЕРНОГОРСКИЙ
ВОПРОС

Национальность	2011 (%)	2023 (%)
Черногорцы	45,0	41,1
Сербы	28,7	32,9
Бошняки	7,0	9,45
Албанцы	4,91	4,97
Русские	0,15	2,06
Мусульмане	3,3	1,6
Цыгане	1,0	0,9
Хорваты	0,97	0,8
Украинцы	0,0	0,5
Турки	0,02	0,3
Югославы	1,15	0,26

Таблица 1. Наиболее распространенные национальности Черногории по результатам переписей 2011-го и 2023 годов³.

Насколько реальны в этой связи опасения, что черногорство рискует снова раствориться в сербстве или даже потерять собственную государственность? Подобную тревогу регулярно выражают различные институты: Факультет черногорского языка, черногорская Матица⁴, интернет-порталы *cdm.me*, «Аналитика» и «Фокализатор», газеты «Вести» и «Победа». У авторов этого круга есть отличия, порой значительные, в позициях по тем или иным вопросам, но сейчас важен интегральный пафос: другой народ, другой язык и даже другая церковь. Иной

3 Численность населения, согласно переписи, выросла с 620 029 (2011) до 623 633 (2023) человек; при этом в 2023 году в качестве русских указывали себя 12 824 человека. Доля, недостающая до 100%, приходится на другие национальности или на людей, не давших ответа. Бошняки и мусульмане фактически относятся к одной группе: это славяне исламского вероисповедания (слово «мусульмане» использовалось в этом смысле в социалистической Югославии, и так по инерции называют себя люди старшего поколения). Югославы (тоже в основном люди старшего поколения) — те, кто остается верен идее «новой исторической общности югославского народа». Число русских и турок минимум в два раза занижено, что объясняется особенностями визовой политики Черногории: представителям многих стран можно жить здесь постоянно, пребывая формально в качестве туристов, которые не учитываются переписью. Все это, однако, не сказывается на пропорции между сербами и черногорцами. Данные переписи приводятся по: www.monstat.org.

4 Матица — широко распространенная у южных славян общественная структура, представляющая культурные интересы того или иного народа; в России прямого аналога нет.

раз противостоять набирающей силу тенденции небезопасно, периодически появляются сообщения об угрозах в адрес оппозиционных политиков, что в бывшей Югославии далеко не пустой звук. Гигантскую куклу одного из активных противников сербизации Андрея Николаидиса сожгли в 2024 году на карнавале в городе Херцег Нови (в Черногории ежегодно сжигают на карнавалах куклы, намекающие на конкретных людей, чаще политиков, но лишь намекающие; Николаидис же в нарушение традиции был назван по имени и фамилии).

Может ли Черногория (страна НАТО) действительно быть поглощена Сербией? На взгляд со стороны это не слишком вероятно. Черногорское политическое поле — это великое множество партий, которые на каждые выборы собираются в новые блоки, руководствуясь не столько высокими смыслами, сколько сиюминутной возможностью ухватить кусок власти. Сербская идея вряд ли перевесит в глазах черногорской элиты выгоды от управления собственной страной, финансовая стабильность которой во многом зависит от Евросоюза. В Сербии идея «одной семьи» — тоже скорее отвлеченная теория, там хватает своих проблем, а если националистически настроенные сербы и хотят куда ввести войска, то прежде всего в односторонне отделившееся Косово, но и это настолько сильно противоречило бы экономическим интересам страны, например, ее дружбе с Азербайджаном и тем же ЕС, что тоже представляется малореальным. Но нельзя отрицать, что сербский президент Александр Вучич не упускает возможности уязвить в своих речах Черногорию, в том числе и по пункту «преследования сербов».

{ Сербская идея вряд ли перевесит в глазах черногорской элиты выгоды от управления собственной страной, финансовая стабильность которой во многом зависит от Евросоюза.

Помимо собственно поглощения, существует вариант излишне сильного влияния, как например в вопросе обязательной вакцинации детей. Ею в Черногории многие очень недовольны, это происходит на фоне актуализации в повседневной жизни архаичных социальных установок — что во многом есть результат сербского влияния. Это не значит, что сербские общество и государство архаичнее черногорских — но активная националистическая политика апеллирует именно к социальной архаике.

В этой связи интересно, что думал о *черногорском национальном вопросе* человек, которому Черногория в значительной мере и обязана своим нынешним суверенитетом. Милован Джилас последовательно проводит через свою статью следующий

тезис: «Сербы и черногорцы одного (сербского) народного происхождения, одного корня, но развитие их в нации, развитие национального самосознания шло разными путями». Эту разность путей Джилас анализирует не слишком подробно; указывает, что имеет значение, на какой стадии капитализма начался процесс формирования в нацию, но не успевает развить этот тезис. Важен, однако, вывод: черногорцы заслужили отдельную собственную государственность прежде всего тем, что показали всем южным славянам великолепный пример борьбы с османским игом, собственно — волю к свободе.

Итак, один национальный корень, но разные исторические пути. Вообще на Балканах господствует этническое понимание нации со всеми сопутствующими этому эффектами: так, только в XX веке примерно десять миллионов человек были вынуждены переселиться из-за стремления какой-либо народности к национальному единообразию на той или иной территории⁵ — и это не говоря о массовых убийствах на этнической почве. Понимание нации Джиласом — как политической, цивилизационной, а не этнической общности — редкость. В этом он следовал за своими друзьями-коммунистами, которые в начале объединения словенцев, сербов и хорватов в Королевство придерживались мнения, что это народы — три ветви из одного национального корня. Впрочем, те же коммунисты быстро поменяли свои взгляды и начали настаивать на отдельности не только этих народов, но и македонцев с черногорцами⁶. Джилас, однако, смог пойти дальше на практике — в силу, так сказать, служебного положения⁷.

ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН

МИЛОВАН ДЖИЛАС
И ЧЕРНОГОРСКИЙ
ВОПРОС

5 «Малоазиатская катастрофа», переселение полутора миллионов греков в Грецию после греко-турецкой войны (1919–1922), сопровождалась и обратным движением четырехсот тысяч греческих мусульман. В 1943–1944 годах Венгрия, Румыния и Болгария заключили договор об обмене населением, по которому место жительства поменяли полмиллиона человек. Сотнями тысяч в разные годы уезжали (часто бежали) сербы из Косово и переезжали в Косово албанцы из Албании. Социалистическая Югославия лишила гражданства полмиллиона немцев, которые составляли значительную долю населения Словении и Воеводины; они были вынуждены покинуть эти земли (а в Воеводину переселили сорок тысяч семей из разных краев, в том числе из Черногории). В 1980-е триста тысяч турок покинули Болгарию из-за насильственного оболгаривания. Триста тысяч хорватов покинули Республику Сербская Краина в 1990-е, очень многие из них вернулись в 1995-м, а двести тысяч сербов, напротив, вынуждены были оставить эту территорию. См. об этом: Никифоров К. В. *Сербия на Балканах. XX век*. М.: Индрик, 2012. С. 129–139.

6 Божковић Д. *Национална политика Комунистичке партије Југославије 1918–1928: отварање црногорског питања* // Орган историјског института и друштва историчара Црне Горе (Подгорица). 2013. Година LXXXVI. Бр. 3–4.

7 Джилас до конца дней оставался верен формуле «один корень — разные исторические пути». В зависимости от того, что указывается в первой части этого выражения, от того, насколько тесным считает Джилас этническое родство, а главное, от установок наблюдателя оценки его наследия могут резко меняться. Так, Новак Аджич обвиняет Джиласа в великосербском шовинизме на том основании, что он не разводит две нации решительнее: Adžić N. *Milovan Đilas o crnogorskom nacionalnom pitanju* (www.portalanalitika.me/clanak/209920-adzic-milovan-dilas-o-crnogorskom-nacionalnom-pitanju); там же цитируются другие высказывания Джиласа по черногорскому вопросу. Однако, если полагать, что важнее не проблематичная решительность разделения, а вторая часть, признание самостоятельности черногорцев, заметной разницы в формулах Джиласа из разных десятилетий нет.

Представление об этнической общности сербов и черногорцев — общее место. У Петра II Негоша (он правил страной в 1830–1851 годах), главного черногорского поэта, черногорцы и сербы — «листки одного цветка» («листичи из једног цвијета»). Слободан Томович, «официальный» югославский комментатор Негоша, очень желавший в своих трудах подчеркнуть его черногорскость, все же вынужден был констатировать⁸, что под словами «наш народ» Негош понимал прежде всего сербов, иногда все славянство. Мнение классика не академическая абстракция; например в конце февраля 2026 года депутаты Мирасад Нуркович и Александра Вукович-Куч спорили на заседании скупщины, обмениваясь цитатами из Негоша, о возможном отношении Петра II к Евросоюзу.

В песне, сочиненной другим черногорским правителем, князем Николой I Петровичем (позже он принял титул короля), поется: «Туда, туда... за холмами Сербская земля моя. Туда, туда... там слава сербского рода». У Николы I были амбиции стать королем всех сербов⁹, и его черногорская идентификация, как и тысяч его сограждан в прошлом и в современности, не противоречила сербской. Сегодня — в ситуации идеологической напряженности — в черногорских семьях нередко ситуация, когда один брат считает себя сербом (и указывает это в переписи), а другой черногорцем; но, если идеология волнует их не слишком сильно, они оба по-прежнему могут спокойно считать себя сербами и черногорцами одновременно.

Югославский драматург Бранислав Нушич сочинил однажды пьесу, в которой излишне юмористически вывел одного из черногорцев. Начались протесты, после чего Нушич опубликовал в газете «Свободная мысль» заметку, в которой открестился¹⁰ от обобщений, сообщив, что не имел в виду всех черногорцев, и добавив, что «описание черногорцев, как и каких-то иных племен нашего народа», не входит в его творческие задачи. Извиняясь на такой манер, Нушич был убежден, что черногорцы не обидятся на обозначение их одним из племен сербского народа. И, действительно, такой подход не вызывает у очень многих жителей этих мест ни малейшего дискомфорта. В черногорских кафанах, где включены телевизоры со спортивными каналами, болеют в основном за футболистов и баскетболистов белградских «Црвени Звезды» и «Партизана», и никого это не смущает.

8 Томович С. *Коментари Луче микрокозма, Горског вијенца и Лажног Цара*. Цетине, 2017. С. 179–184.

9 Хлебникова В. Б. *Модернизация и «европеизация» по-балкански (к вопросу о причинах недолговечности черногорской государственности на рубеже XIX–XX вв.)* // *Человек на Балканах. особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, королевство СХС в 1878–1920 гг.* М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 293.

10 Нушић Б. *Српски Пијемонт*. Београд, 2023. С. 59–60. Указанная газетная публикация вышла 31 января 1937 года.

«Старая Черногория» — территории вокруг первостолицы Цетине — составляет примерно треть нынешней площади страны. С 1878 года Черногория увеличила свой размер с 4500 до почти 14 000 квадратных километров, получив после Берлинского конгресса Подгорицу и Никшич (два крупнейших города сегодня), нынешний горнолыжный курорт Колашин, выход к морю в районе Бара; после Балканских войн (1910–1913) — большой кусок османского Санджака¹¹, после Второй мировой — Далматинское побережье Адриатики. Монарх именовал себя «Никола I, король Черногории и Брды, господарь Зеты, Приморья и Скадарского озера», признавая уже в титуле, что не все земли его страны являются черногорскими. В стране до сих пор сильны племенные традиции, еще более дробна этническая идентификация, многие представители, например, крупных племен Кучи и Паштровичи не склонны признавать, что племена эти именно черногорские. Есть и отдельная, «бокельская» (от «Бока Которская» — это залив), самоидентификация — не сербская, но и не черногорская, а далматинская: здесь ценят венецианский период своей истории, а при СФРЮ на черногорском побережье благодаря этому было много болельщиков «Хайдука» из хорватского Сплита. Бокельцы и Паштровичи не стремятся сегодня основать свои государства, не против считать себя черногорцами географически, а в современных реалиях, и политически; в их сердцах вполне мог найти отклик тезис Милована Джиласа о политической, но не этнической уникальности черногорцев.

Три примера борьбы за государственную самостоятельность Черногории я — возможно, выдавая желаемое за действительное, — подобрал так, чтобы упор на этническое постепенно смягчался. Первый — цитата из конца 1990-х:

«Считать, что черногорцы и сербы — один народ, все равно, что сомневаться в национальных отличиях между русскими и финнами!» — обижается на вопрос корреспондента “НГ” Любиша Митрович, главный редактор “Вестей” — одной из крупнейших газет Черногории. “У нас больше общего с черногорским албанцем, чем с сербом, проживающим на севере страны”, — вторит ему коллега из правительственной газеты “Республика” Слободан Вукович¹².

Следующий пример: действующая программа черногорской Матицы (2014)¹³. Она полна призывов к универсальным ценностям, демократии, мультиконфессиональности

11 Санджак — османская административно-территориальная единица, нарицательное понятие, ставшее личным в случае исторического региона Новопазарский санджак. В Средние века это часть сербского государства Рашка. С XIV века по 1913 год — под Османским владычеством, с перерывом на 1878–1908 годы, когда Санджак принадлежал Австро-Венгрии. С 1913 года поделен между Сербией и Черногорией.

12 Ротарь И. «Если Черная гора не идет к Слободану...» // Независимая газета. 1999. 9 сентября.

13 См.: <https://maticacrnogorska.me/wp-content/uploads/2022/06/MATICA-CG-PROGRAM-MNE.pdf>.

и мультиэтничности. Кроме того, будучи принятой еще при Джукановиче, она тем не менее принципиально и смело критикует партийную монополию, коррупцию, бюрократию и прочие атрибуты многолетнего единовластия. В этом Матица гораздо последовательнее многих нынешних адептов черногорскости, которых перечисленные негативные стороны власти Джукановича — судя по их поведению в публичном поле или даже активному сотрудничеству с прежним режимом — не слишком волновали (эффект, которому читатель найдет печальные аналоги).

При этом уже в первом абзаце программы сообщается, что сосуществование с Сербией губительно для Черногории, а далее из пункта в пункт, более десяти раз на протяжении достаточно компактного документа его авторы возвращаются к проблеме сербского «гегемонизма» (о котором много пишет в своей статье и Джилас, употребляя однажды в значении «возрождение» выразительное слово «повампириванье»). Надо заметить, рефрен «во всем виноваты сербы», к сожалению, довольно часто сопровождает речь борцов за черногорство разных поколений и оттенков.

Но насколько эффективна политическая программа, чей лейтмотив отрицание «Мы — не сербы»? Способен ли чисто технически работать здесь апофатический подход? В самом конце документа после многократных заявлений о мультиэтничности следует утверждение, что в черногорскую Конституцию нужно внести пункт о признании черногорской нации «коллективным гарантом выживания и развития» страны. Это ровно то, против чего выступал в своей статье Джилас, крайне негативно оценивавший «и разделение черногорцев и сербов, и отрицание черногорской индивидуальности». Речь тут не о том, что Джилас безгрешен или что антисербские опасения Матицы и других «идейных черногорцев» преувеличены. Важно, что для многочисленных черногорцев с сербской идентификацией — как и для албанцев с бошняками — идея выделить один народ в Конституции абсурдна и провоцирует принципиальное противодействие.

Третий пример показывает, что новые поколения «черногорских черногорцев» подходят к вопросу аккуратнее. Вот фрагмент заметки Любомира Филиповича на портале *cdm.me* (2026), которая названа «Ответные предложения для примирения сербов и черногорцев в Черногории»:

«Сербов и черногорцев, которых можно найти в каждой семье, братстве и племени в Черногории, уже никто и никогда больше не объединит. И это не должно быть поводом для печали и ностальгии. Это неизбежность. Нам не следует стремиться к тому, чтобы одни господствовали над другими»¹⁴.

14 FILIPOVIĆ L. *Evo Kontraponude za Pomirenje Srba i Crnogoraca u Crnoj Gori*. 2026. 23 januar (www.cdm.me/kolumne/evo-kontraponude-za-pomirenje-srba-i-crnogoraca-u-crnoj-gori).

Вряд ли последняя фраза — прямой комментарий к идее Матицы закрепить особость черногорцев в Основном законе, но звучит именно так, учитывая, что заметка Филиповича касается как раз базовых основ черногорской государственности, в частности, звучащей со стороны сербов идеи сделать сербский язык вторым официальным, для чего тоже требуется изменение Конституции.

ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН
МИЛОВАН ДЖИЛАС
И ЧЕРНОГОРСКИЙ
ВОПРОС

Для многочисленных черногорцев с сербской идентификацией идея выделить один народ в Конституции абсурдна и провоцирует принципиальное противодействие.

С 2008 года черногорский язык в Черногории — официальный, а сербский наряду с боснийским, албанским и хорватским возможен в официальном использовании. Такая ситуация достаточно уязвима для критики. В бывшей Югославии любили говорить: «Учишь один язык, а знаешь четыре». Некая разница между наречиями сербов, черногорцев, хорватов и боснийцев есть (отличаются лексика, произношение, иногда и грамматические конструкции), но она не особо больше разницы между, скажем, говорами россиян из отдаленных друг от друга регионов. Заменить сербо-хорватский язык черногорским было политическим жестом. Есть страна — есть язык, право государства на такое решение оспаривать сложно. Но невозможно и отрицать, что реализация этого права на практике обернулась курьезами. В черногорский алфавит были введены буквы Ž и Š, которые, однако, не используются ни в книгах, ни в газетах, ни даже в официальных документах. Если на улице в Черногории к вам хотят обратиться с каким-то вопросом, то начнут с уточнения, говорите ли вы «на нашем языке». Спросить «на сербском» или «на черногорском» — значит подчеркнуть свою политическую позицию и рисковать нарваться на политическую дискуссию. Желание черногорского государства называть язык новым именем приводит к тому, что это имя он просто теряет и становится «нашим». В публикации Джиласа в «НЗ» наперекор всем правилам не указано, с какого языка переведена его статья — писал он на сербском, но, поставь я «перевод с сербского», это выглядело бы для черногорцев не как техническая нейтральная информация, а как поддержка одной из сторон.

Переписи населения показывают, что соотношение между сербским и черногорским языками за последние годы практически не изменилось, хотя, по идее, могло бы измениться в пользу продвигаемого государством черногорского. Но на сербском по-прежнему говорят больше людей.

В брошюре¹⁶, посвященной событиям в прибрежном Петровце, где в 1920 году к власти ненадолго пришли коммунисты, язык обозначается дважды: в предисловии он назван «нашим» (с. 8), в основном тексте — «сербо-хорватским» (с. 21). Брошюра проникнута симпатией к компартии, в ней однозначно осуждаются сербские националисты, но словосочетания «черногорский язык» авторы избегают. Мне попалась однажды архивная черногорская телепрограмма 2007 года, посвященная словесности, в которой участники — филологи с учеными степенями — использовали словосочетание «заеднический [общий] язык», обходя таким образом проблему его «национального» наименования.

Еще одно «горячее» направление противостояния сербскому влиянию в Черногории — церковный вопрос. Поражение Джукановича и его союзников в 2020 году стало результатом накопленных последствий неэффективного хозяйствования, но у него был и конкретный триггер: подписанный под Новый год (и позже сильно переделанный при новой власти) «Закон о свободе вероисповедания и убеждений и правовом статусе религиозных организаций». Закон предусматривал национализацию церковной собственности, право на которую не доказано документами, датируемыми до 1 декабря 1918 года; кроме того, религиозные организации, базирующиеся в Черногории, могли отныне иметь юрисдикцию только на территории этой страны.

Таблица 2. Наиболее распространенные языки в Черногории по результатам переписей 2011-го и 2023 годов¹⁵.

Язык	2011 (%)	2023 (%)
Сербский	42,9	43,2
Черногорский	37,0	34,5
Боснийский	5,3	7,0
Албанский	5,27	5,3
Русский	0,0	2,4

Данная новелла была воспринята многими черногорцами как попытка отобрать имущество у Сербской православной церкви (СПЦ) для возможной передачи Черногорской православной церкви (ЧПС), существующей с конца XX века в качестве неправительственной организации. Но подавляющее большинство местных православных — прихожане именно СПЦ, с которой их связывает вовсе не любовь к Сербии, а бытовая культура, ведь в церковь многие ходят вместо театра и музея.

15 Доля, недостающая до 100%, приходится на другие языки или на людей, не давших ответа. Данные переписи приводятся по: www.monstat.org.

16 Уеновић У.У. *Petrovačka crvena komuna*. Budve: JU Muzeji i galerije Budve, 2025. Брошюра подготовлена к печати как раз в Петровце, одном из центров исторической территории племени Паштровичей.

ЧПЦ имеет для прихожан только крохотное помещение в Которе; влияние ее ничтожно. Не касаясь спора о корректности претензий ЧПС на автокефальность, фактом является то, что ее существование не признается ни одной структурой официального православия, в ней уже успел произойти внутренний раскол, а главное — черногорцы «проголосовали ногами». Вскоре после принятия закона в стране начались многотысячные *литии*: воскресные хождения по дорогам с церковными символами, в течение нескольких месяцев подряд парализовавших движение по всей стране (помимо пешеходных литий, были и автомобильные, и морские на катерах). Так продолжалось вплоть до выборов, на которых коалиция Джукановича проиграла.

ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН
МИЛОВАН ДЖИЛАС
И ЧЕРНОГОРСКИЙ
ВОПРОС

Религия	2011 (%)	2023 (%)
Православные	72,0	71,1
Мусульмане	19,1	20,0
Католики	3,4	3,2
Атеисты	1,3	2,7
Протестанты	0,0	0,1
Буддисты	0,0	0,03

Таблица 3. Наиболее распространенные религии в Черногории по результатам переписей 2011-го и 2023 годов¹⁷.

В упомянутой колонке Филипович предлагает пометчать, как могла бы выглядеть и называться православная церковь в Черногории в результате некой виртуальной договоренности с Белградом:

«Можем ли мы между собой договориться и сформировать совместные церковные советы, в которых будет равное число национальных сербов и черногорцев, и вместе добиваться от Белграда автономии для церкви в Черногории?

Но прежде всего необходимо изменить название церкви в Черногории. На всей территории государства Черногория эта церковь должна называться не только сербской, но и черногорской. Границы ее епархий не должны выходить за политические границы Черногории¹⁸. Не как сейчас с Митрополией Черногорско-Приморской, которая имеет юрисдикцию над половиной страны и где название “черногорская” сводится в уничижительном смысле лишь к географическому понятию, равному Приморью.

Как бы называлась эта церковь — оставляю на волю вашего воображения. Если может существовать Православная Церковь Чешских земель и Словакии, то и мы можем придумать название, приемлемое для всех — чтобы было учтено и сербское происхождение

17 Доля, недостающая до 100%, приходится на другие конфессии или на людей, не давших ответа. Данные переписи приводятся по: www.monstat.org.

18 На территории Черногории действуют четыре епархии СПЦ: Черногорско-Приморская, Будимлянско-Никшицкая, Милешевская и Захумско-Герцеговская; две последние охватывают также земли Сербии, Боснии и Герцеговины, Хорватии.

православия в Черногории, и одновременно независимость и особая идентичность черногорцев и самой Черногории.

Чтобы на церквях, монастырях и кладбищах рядом с сербским развевался и черногорский флаг. Чтобы черногорские правители и святые имели как минимум равный статус с сербскими на фресках, в календарях и на мемориальных досках. Чтобы священники и епископы были людьми из Черногории или по крайней мере знали и уважали черногорскую историю. Чтобы черногорская интерпретация истории была уравнена с сербской. Чтобы были прекращены все связи с сербским государством — не с церковью, а именно с государством. Чтобы в Черногории был один глава церкви и чтобы он пребывал на Цетинье»¹⁹.

Большинство этих надежд на данный момент далеки от реальности. Филипович, однако, предлагает не рабочее политическое решение, а интеллектуальную задачу, предполагающую выход за рамки текущей логики. «Чтобы было учтено и сербское происхождение православия в Черногории, и одновременно независимость и особая идентичность черногорцев и самой Черногории»: это ведь технически — национальная формула Джиласа. Черногорское происходит от сербского, но претендует на особую идентичность. Смысл формул не равен, насколько национальное не равно религиозному; для кого-то это различие невелико, для кого-то огромно. Но религиозное здесь, как и национальное у Джиласа, перестает быть естественным основанием всего сущего. Исторические аргументы в какой бы то ни было сфере всегда будут недостаточны: одна сторона опирается на одни документы, другая на другие, полного корпуса никогда нет, трактовки могут разниться и так далее. Так не резоннее ли исходить из текущих потребностей, а не из вековых прав? Если говорить не из черногорского угла, а из сербского (Филипович понимает необходимость диалога с Белградом), то Сербии вообще-то было бы выгодно «отпустить» Черногорию и Косово (защищать в последнем не территории, а права сербского меньшинства может быть куда эффективнее), чтобы идти дальше без лишнего багажа. Но в таких вопросах много чаще вверх берет не прагматика, а представления об исторической справедливости, понимаемой как закон природы.

Итак, идеи Джиласа, который считал черногорцев ветвью сербов, обеспечили стране нынешнюю государственную независимость, а действия современных защитников черногорства от сербства привели на практике к противоположному результату: усилению сербского влияния, вылившегося в том числе в сплочение вокруг СПЦ и в неопределенный статус «нашего» языка. При этом, конечно, странно было бы не бороться

с флагом другой страны в кабинете главы парламента и с иными формами давления на национальной почве. Конструкции Джиласа можно было бы задействовать сразу после референдума 2006 года, когда у Джукановича был максимум авторитета и рычагов влияния, а страна нуждалась в спокойном диалоге с теми идейными сербами, которые считали, что референдум прошел с большими нарушениями. Оставить, например, сербский язык официальным в той логике, в какой бразильцы говорят на португальском, мексиканцы на испанском, а сенегальцы на французском, не считая себя униженными. Или сразу считать официальными два языка: в 2006-м это выглядело бы проявлением силы черногорцев, великодушно признающих языковые амбиции своей сербской половины. Сейчас же такой результат (хотя при текущем составе парламента он недостижим, но скоро новые выборы) окажется победой просербских сил в конкретном политическом раунде и станет выглядеть как поражение черногорскости, а не как ее диалог с сербскостью. У Джукановича, однако, были другие дела, а европейской и американской бюрократии было милее (как и сейчас) перманентное недовольство Сербией.

Но проблема, как представляется, шире: язык, на котором ведется спор, язык в более широком смысле — как нарратив, апеллирующий к национальному и религиозному, — сегодня перестал работать, он исчерпал себя в принципе. Он не работает не только потому, что в спорах внутри этого нарратива у черногорских сербов крепче доказательная база, а поддержка населения не меньше, чем у черногорских черногорцев. Есть еще и красноречивый пример Евросоюза и его стран-участниц, где общественные организации, утверждающие священный характер тех или иных древних книг, организации с явно небесспорным историко-этическим багажом имеют неоспоримо-высокий общественный и институциональный статус. В результате борцы с неуклюже интегрированной «мультикультурностью» все чаще привлекают избирателя националистическими, а не общегражданскими лозунгами. И устаревшая, казалось бы, риторика набирает на наших глазах новую мощь.

ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН
МИЛОВАН ДЖИЛАС
И ЧЕРНОГОРСКИЙ
ВОПРОС

